

Глядя вслед улепетывающему сыну, Цюй Гуй почувствовал, как в груди новой волной вскипает тревога.

Своего ребенка он знал как облупленного — с того самого момента, как тот появился на свет, пухлый и розовый, точно крохотный детеныш макаки, и до нынешнего состояния угловатого подростка. Цюй Гуй прекрасно помнил, как сильно Сяньяо боялся своего старшего двоюродного брата и как беспрекословно его слушался. Даже когда в школе случилась та беда, они с женой первым делом позвали Лу Яня, надеясь, что тот сможет вразумить парня.

И что же теперь? Стоило Сяньяо открыть глаза, как первой же его фразой стало обещание сойтись с Лу Янем в битве «не на жизнь, а на смерть». По сути — открытый вызов на драку, а если называть вещи своими именами, то добровольное согласие на качественную трепку.

Это лишь подтверждало худшие опасения отца: недавнее смирение и покой Сяньяо были лишь кратким затишьем. Тень переходного периода все еще висела над ним, туманя рассудок. Ну какой человек в здравом уме решится на подобное самоуничтожение? Мальчишки в их возрасте растут скачками, и разница в четыре-пять лет — это целая пропасть как в росте, так и в боевой мощи.

Тем более что Лу Янь с малых лет занимался боевыми искусствами, а Сяньяо... Сяньяо начинал задыхаться, едва пробежав несчастную восьмисотметровку на физкультуре.

Сын несся так быстро, что Цюй Гуй, как ни старался, не мог его нагнать.

«Ах ты, паршивец, — ругался он про себя, задыхаясь от бега. — На школьных эстафетах из тебя и шага быстрого было не вытянуть. Знай я, что в тебе спит такой талант, давно бы отдал в секцию легкой атлетики».

Покои Лу Яня располагались в западной части монастыря, тогда как келья Сяньяо находилась в юго-восточном углу. Путь предстоял неблизкий.

В тот момент, когда Сяньяо, пренебрегая всеми приличиями, без стука распахнул дверь, Лу Янь еще не спал. При тусклом свете маленькой масляной лампы он сосредоточенно рассматривал белый цветок.

Стебель был бережно помещен в вазу. Лишенный корней, цветок уже начал терять жизненную силу; Лу Янь понимал: если постоянно вертеть его в руках, он завянет еще быстрее.

Ваза была наполнена специально подготовленным питательным грунтом. Лу Янь строго следовал инструкциям, которые выудил у специалистов, стараясь продлить жизнь нежному растению.

Но природа брала свое. Как бы усердно он ни ухаживал за сорванным цветком, тот был

обречен. В желтоватом пламени лампы на белоснежных лепестках уже проступали едва заметные следы увядания.

Лу Янь размышлял: стоит ли попытаться засушить его, пока не стало слишком поздно? Или сжечь, а пепел поместить в кулон или мешочек, чтобы всегда носить на шее?

Все прекрасное в этом мире мимолетно. Судя по канонам, которые он изучал в последнее время, попытки удержать ускользающее — лишь суета и томление духа.

Но ведь это не просто вещь. Это самый прекрасный цветок во всей вселенной. И Лу Янь никак не мог смириться с тем, что это чудо исчезнет из его жизни всего через несколько дней.

Был еще и Цюй Сяньяо, его младший брат. Лу Янь не забыл, у кого именно он отобрал это сокровище. Нельзя же вечно держать его у себя. Сейчас Сяньяо мал и, возможно, многого не понимает, но пройдут годы, ангедония окончательно измотает его, и тогда, вспомнив этот день, он может возненавидеть брата.

Лу Янь оперся подбородком о стол, не сводя глаз с вазы. Он оказался на распутье.

«Отдать или не отдать? Вот в чем вопрос.

Отдать? Жалко до боли.

Оставить себе? Но я ведь не из тех, для кого радость — превыше родства, а брат — лишь старая одежда».

Лу Янь мучился. В его душе шла настоящая война.

«А что, если предложить брату сделку? Когда я верну ему цветок, мы поселимся в одной келье. Все равно оба собрались в монахи. Будем день за днем постигать истину через улыбку от созерцания цветка. Я — старший наставник, он — младший ученик. Какая разница, чья это комната, если мы будем вместе?»

Но перед тем как вернуть...

Рука Лу Яня непроизвольно дернулась. Он хотел сорвать один лепесток, чтобы проверить, получится ли из него качественный сухоцвет или пригодный для амулета пепел.

Лу Янь был человеком действия: задумал — делай. Он уже протянул пальцы к цветку, когда дверь с грохотом влетела внутрь.

Сяньяо, с глазами, полными ярости, выкрикнул:

— Руки прочь от цветка! Брат, если хочешь драться — бей меня!

Пик гнева, вспыхнувший сразу после пробуждения, начал спадать, и «подлый вор Лу Янь» в речи Сяньяо снова превратился в «брата». Цюй Гуй был прав: страх перед кузеном сидел в мальчишке слишком глубоко.

К счастью для него, Лу Янь не обратил внимания на тон и остался вполне дружелюбен.

— Не ори, — Лу Янь мгновенно сократил дистанцию и зажал рот разоравшемуся брату. — Ночь на дворе, в монастыре все спят. Я просто хотел взять один лепесток для эксперимента, а не губить всё растение.

Сяньяо вытаращил глаза и принялся отчаянно жестикулировать. Смысл его движений был ясен: «Никаких лепестков! Кто тебе позволил? Даже один — нельзя! Цветок мой, и если с него хоть пылинка упадет, я за себя не ручаюсь!»

— Да не дергайся ты, — Лу Янь силой усадил Сяньяо на стул и принялся терпеливо объяснять: — Посмотри на него. У него нет корней. Он умер в ту секунду, когда его сорвали. Сейчас он просто доживает свои последние дни. Подумай сам: когда он сгниет и превратится в труху, разве он будет радовать тебя так, как сейчас?

Лу Яню казалось, что его доводы безупречны, но Сяньяо почему-то смотрел на него с глубоким, почти божественным состраданием.

Лу Янь не выдержал и легонько щелкнул брата по лбу:

— Что это за взгляд?

Сяньяо покосился на руку брата, и тот наконец отпустил его.

Поначалу Сяньяо хотел промолчать, но желание утереть нос обидчику пересилило осторожность. Стоило Лу Яню убрать ладонь, как парень с торжествующим видом выдал:

— Мне только что приснился Золотой мальчик. Он сказал, что у него в саду выросло столько цветов, что ступить некуда. Поэтому он решил раздать их людям. Чтобы они их посадили. Понимаешь? Посадили!

Лу Янь выслушал эту неприкрытую похвальбу с каменным лицом.

— И что с того?

— А то, что пока я бежал сюда, я понял: это знак свыше! Небеса намекают, что мне нужно вернуться туда, где мы впервые встретились с Золотым мальчиком. Там он подарит мне столько цветов, что хватит на всю жизнь!

Сяньяо самодовольно хмыкнул и покачал головой:

— Так что у Небес есть глаза. Они знают, кому предназначался этот дар, и во сне явились именно ко мне. Я решил: в монахи пока не пойду. Возвращаюсь домой, в школу, на уроки.

Лу Янь посмотрел на брата как на умалишенного. Он провел ладонью по своей свежесбритой голове, на которой едва пробивалась колючая щетина, и выругался:

— Твою мать... И как я раньше не замечал, что ты такой сказочный идиот? Сяньяо, ты серьезно веришь, что этот цветок прилетел к тебе из какого-то божественного сна? Господи, я считал себя гением тринадцать лет, и как у меня мог родиться такой придурковатый родственник?

— Я? Придурковатый? — Сяньяо ткнул пальцем себе в грудь, задыхаясь от возмущения. — Лу Янь, ты можешь оскорблять меня, но не смей трогать Золотого мальчика и мою веру! И если ты такой неверующий, какого черта ты сам притащился на гору Утай стричься в монахи? Как ты тогда объяснишь силу этого цветка?

Лу Янь вздохнул с видом человека, вынужденного спасать остатки интеллекта в своей семье.

— Ты грохнулся в обморок прямо в школьном дворе. Очевидно, что этот цветок либо зацепился за тебя, когда ты катился по земле, либо кто-то воткнул его тебе в волосы, пока ты был в отключке. Твой «Золотой мальчик» — это просто тот, кто тебя нашел.

Он сделал паузу, давая информации уложиться.

— Но неважно, кто его сорвал. Важно то, что этот цветок рос на вашей школьной клумбе. Перед тем как приехать сюда, я провел в твоей школе целую ночь. Я нашел там точно такие же заросли диких хризантем. Я перепробовал их все — ни одна не сработала. А твой экземпляр... Послушай, и на тебя, и на меня он действует без всяких «просветлений» и молитв. Это просто биологическая мутация. Редкий вид, который вырабатывает вещества, подавляющие симптомы ангедонии.

Лу Янь наклонился ближе, чеканя слова:

— Твое везение — чистая случайность. Никаких богов, никаких снов. Ты просто наткнулся на уникальный сорняк. Теперь дошло, тупица?

Сяньяо был почти раздавлен этой логикой, но все же предпринял последнюю попытку защититься:

— Ты так и не ответил: если ты в это не веришь, зачем тебе Шаолинь?

Взгляд Лу Яня стал еще более жалостливым. Так смотрят на безнадежных больных.

— Да потому что монастырь Шаолинь на горе Утай — это одна из лучших в мире баз по выведению редких растений, маленький ты debil.

Он вытащил из-за пазухи свиток.

— Ты хоть видел мой план распределения после пострига? Зал разведения саженцев. Туда не пускают никого, кроме посвященных монахов. Ты думал, легенды об «улыбке от созерцания цветка» взялись из воздуха? Раньше я думал, что это метафора просветления. Теперь я почти уверен: когда-то в древности монахи из Зала разведения вывели сорт, подобный твоему. Почему он не разошелся по миру? Либо монастырь хранит тайну за семью печатями, либо рецепт был утерян. Шансы — пятьдесят на пятьдесят. И ради того, чтобы проверить это, я готов пожертвовать волосами. Почему бы и нет?

Сяньяо смотрел на брата с нескрываемым благоговением.

— Брат... это звучит так логично. Ты такой крутой. Но я все равно хочу вернуться и проверить свою теорию. Если окажется, что я ошибся, я приеду сюда и буду вместе с тобой выращивать цветы в Шаолине.

Лу Янь величественно кивнул:

— Дело твое. Приходи, когда созреешь. У меня тут план на двадцать лет. Первые пять лет я втираюсь в доверие к настоятелю. Еще три года — и я официально становлюсь его преемником. Пять лет на посту настоятеля, три года на то, чтобы полностью подмять под себя Зал разведения саженцев. И последние четыре года я посвящу тому, чтобы вытащить из архивов ту самую формулу.

Он выпрямил спину.

— К тридцати пяти годам я вернусь в мир и возглавлю семейный бизнес, имея на руках лекарство от ангедонии. Как тебе мой план?

Сяньяо выставил большой палец:

— Брат, это гениально! Когда ты станешь настоятелем Шаолиня, а я закончу начальную школу

и приду к тебе, не забудь меня пристроить на теплое место!

— Если я не успею вывести формулу за свои двадцать лет, — серьезно произнес Лу Янь, — ты продолжишь мое дело.

— Договорились, брат! Завтра я уезжаю, но ты жди меня!

Сяньяо был окончательно зомбирован. Он уже видел себя частью великого «Плана двух двадцатилеток».

На прощание Лу Янь щедро махнул рукой:

— Когда вернешься, я официально назначу тебя своим преемником через одно колено.

<http://bllate.org/book/13654/1602547>